ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
доктора исторических наук Чибирова Алексея Людвиговича на тему:
«Скифо-сармато-аланская проблематика в историографии российского Зарубежья XX – начала XXI в.» по специальности 5.6.5. - Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Рассматриваемая диссертация посвящена весьма актуальной теме. Сегодня хорошо известна роль древних ираноязычных народов в истории и культуре Восточной Европы, Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, а в период Великого переселения народов – и Западной Европы. Соответственно, разными исследователями отчасти изучался вклад в иранистику ряда известных историков, археологов, лингвистов, религиоведов и этнологов многих стран (интерес этот был и остается отчасти идеологизированным). Их идеи нередко остаются актуальными и сегодня, а их ошибки во многих случаях и сейчас поучительны для нас или до сих пор сказываются на работе ученых. Однако поныне в их изучении зияют немалые *пробелы*, и нередко историография по ним кратка, фрагментарна и написана «на злобу дня» в связи с их юбилеями или смертью. Один из таких пробелов связан с рядом известных и активных иранистов, оказавшихся волею судьбы *в эмиграции* двумя волнами. По академику *Михаилу Ивановичу Ростовцеву* и сыну известного академика *Георгию Владимировичу Вернадскому* есть специальные книги, сборники или статьи. Однако специальное рассмотрение и их творчества в контексте развития их взглядов на древних иранцев европейской части Степи остается актуальным и необходимым, в том числе – из-за их авторитета за рубежом и из-за критического отношения к их работе в советское время. Со временем, в 1928 г. монархист Ростовцев был исключен из числа академиков РАН, и сами его научные концепции постоянно клеймились как «буржуазно-монархические». В ходе Гражданской войны у обоих ученых были основания опасаться за свою судьбу, что заставило их покинуть Россию. *Вторая волна* научной эмиграции связана не с США, а с Западной Европой; происходила она уже в конце XX в., и не по драматическим причинам, а по семейным обстоятельствам. Серьезный анализ творчества этих коллег пока отсутствует. При этом интерес к самой ранней (*скифской*) тематике имелся в основном ученых ранней волны (последнее понятно, т.к. более поздние и массовые археологические материалы по скифам добывались более всего на Украине, а старая идея о культурной преемственности от скифов прямо к аланам и осетинам со временем угасала). Особую группу эмигрантских авторов составили *осетины* – представители основного ираноязычного народа России. По ряду причин осетины стали первыми представителями гуманитарной интеллигенции среди народов Северного Кавказа, они активно интересовались как историей своих предков (аланов и сарматов), так и этнографией. Вклад эмигрантов-осетин в изучение и пропаганду истории и культуры древних иранцев

Восточной Европы также оставался до сих пор почти совершенно не проясненным. Одним из аспектов актуальности является то, что яркие события истории европейских скифов, сарматов и аланов знамениты в кругу этнополитических процессов древней и средневековой Евразии, а искусство этих народов (в том числе – в сотрудничестве с греческими мастерами) вызывает закономерный интерес ценителей по всему миру. Актуальна тема еще и потому, что для Юга России прошлое этих народов является важной частью современной культурной идентичности и нередко является объектом «культурного присвоения» и грубых псевдонаучных искажений, особенно на Северном Кавказе. Изучаемые эмигрантские авторы имеют к обеим темам непосредственное отношение.

Защищаемая диссертация является результатом многолетнего труда ее автора (она постепенно готовилась с 2014 г.); все эти 12-13 лет она многократно правилась и перерабатывалась требовательным к себе ученым (что при большой загрузке ответственной административной работой означало немалые жертвы). Соответственно, *структура* работы оказалась продуманной и не вызывает возражений. Ее главы соответствуют шести поставленным задачам (глав на одну больше, т.к. самый знаменитый из эмигрантов, академик Ростовцев «заслужил» сразу две). Алексей Людвигович хорошо лично и неформально знаком со всеми изучаемыми им учеными-эмигрантами недавней *второй* волны, а также с наиболее значимыми современными специалистами по сармато-аланской тематике, что позволяло ему активно использовать как интервью, переписку, так и «включенное наблюдение». Проще говоря, знание персоналий у диссертанта отнюдь не только кабинетное.

Круг привлеченных автором текстов по данной теме и для заявленной цели можно считать практически исчерпывающим: это около 100 источников и более 700 научных публикаций на нескольких языках. Апробация работы также выглядит основательной: это 7 монографий и разделов в них и 44 статьи. Объемное исследование (660 с.) состоит из 7 основных глав. Первые две из них являются, фактически, вводными и при этом отнюдь не лишними.

Глава 1 посвящена историографическим основам темы, необходимым для понимания содержимого следующих глав: проблеме изучения ираноязычных народов в целом, становлению алановедческих и осетиноведческих исследований в имперский период и, наконец, алано-осетинским штудиям за рубежом в первой половине прошлого века. В первом случае дан хороший обзор исследований киммерийцев, скифов и отчасти сарматов; во втором – изучению осетин в тесной взаимосвязи его с иранистикой и интересом к аланской проблематике, проблеме алано-осетинской преемственности. В третьем параграфе видим скрупулезное рассмотрение основных работ зарубежных авторов (как иранистов – в основном лингвистов и этнографов, так и тогдашних «властителей дум», вроде Ф. Нансена). Эта глава кажется мне весьма удачной. Автор верно отмечает, что интерес к аланам и сарматам подогревали на самых ранних

этапах как их особая роль в Западной Европе V в., так и идеи позднесредневековых шведского «готицизма» и польского «сарматизма».

Глава 2 связана с необходимостью правильного понимания условий деятельности эмигрантов *второй волны* на фоне реально преобладающей деятельности российских коллег. Это серия из 6 своеобразных творческих портретов наиболее значимых современных специалистов по сарматам и аланам (четырех археологов, лингвиста и историка, подчас изучавших эти группы этносов с весьма неожиданных для коллег сторон). Материал по ним основан на личном знакомстве с ними диссертанта. Эти характеристики творчества крупных ученых даются в живой и привлекательной манере и в целом кажутся мне безусловно удачной находкой автора. Кроме общего контекста диссертации, они имеют и самостоятельную ценность, и могут быть продолжены.

Главы 3 и 4 вполне разумно посвящены одному, самому знаменитому из эмигрантов-иранистов – российскому академику и американскому антиковеду Михаилу Ивановичу Ростовцеву, весьма удачно попытавшемуся нестандартно рассмотреть взаимодействие греко-римского мира с кочевыми племенами европейской Степи («эллинства и иранства», как он писал). Немалое место при этом занимал у него анализ античных текстов. **В главе 3**, состоящей из 10 параграфов, анализируются взгляды этого великого ученого на разные стороны истории и культуры европейских скифов-сколотов. Хорошо показана эволюция интересов Ростовцева от классического антиковедения к кочевым соседям северопонтийских греков и к археологии первых, а также к привлечению всех доступных категорий источников. Академик стремился также уточнить границы этнических массивов античных номадов по данным археологии. Помимо прочего, в начале главы убедительно демонстрируется устойчивый интерес Ростовцева к восточноевропейским материалам и в эмиграции, говорится о подготовке им там ряда важных публикаций. Справедливо и заключение об особом интересе Михаила Ивановича к межкультурным коммуникациям / культурному синтезу весьма разнотипных обществ. При этом справедливо отмечается, что многие ошибки ученого связаны с дефицитом у него знаний по истории и этнографии *позднейших* кочевников Степи (увы, это *и сегодня* наблюдается у большинства археологов и историков ранних эпох, что при огромном объеме нового материала по «живым» номадам часто приводит к забавным казусам).

Глава 4 посвящена обобщениям и нередко очень прозорливым догадкам М.И. Ростовцева по истории и культуре *сарматов*. Возможно, это наиболее значимая часть диссертации тем более, что сарматы выступали своеобразным связующим звеном между скифским миром и позднейшей алано-осетинской традицией. Это особенно важно, т.к. Михаила Ивановича можно считать создателем сарматологии. Однако, при этом советские археологи видели в его трудах, прежде всего, идейно чуждые буржуазные воззрения и старались, напротив (исходя из марристких и пост-марристских установок относительно этногенеза, культурных контактов, возможности оседания кочевников),

строить свои концепции на его *критике*. Соответственно, отвергались выводы М.И. Ростовцева об отсутствии преемственности от савроматов к сарматам, о нескольких волнах сарматских миграций, об «иранизации» (сарматизации) греко-варварского Боспорского царства. Напротив, пропагандировалась идеи об эволюционном развитии кочевых этносов на одном месте, без всяких миграций: о вызревании сарматов среди савроматов, мысль о невозможности оседания кочевников вообще и значит – их влияния их на причерноморских эллинов, «марксистская» версия о «матриархате» у савроматов и т.п. Наблюдения академика относительно сарматизации разных сторон жизни Боспора с I в. н.э. находят ныне все новые подтверждения, хотя они встречают заметное сопротивление антиковедов, а также породили антитезу о преимущественном влиянии там в позднее время германцев (О.В. Шаров). Вместе с тем, у Ростовцева имела место недооценка сведений Тацита, Плиния и Птолемея о перемещениях этнических массивов и Страбона с Лукианом и Аммианом – в целом. Справедливо отмечается, что и сами *ошибки* академика оказались большое влияние на других ученых. Таковы были его заключения об особой «грубости и дикости» сарматов в сравнении со скифами, явное преувеличение роли Митридата Евпатора в дальнейшей жизни Боспора, выведение аланов из среди аорсов. Его трактовка общественного строя сарматов как государственного не поддерживается сегодня археологами и кочевниковедами; не подтвердилось и мнение об их последующем влиянии на искусство раннесредневековой Западной Европы.

В **главе 5** рассмотрены идеи *Г.В. Вернадского* относительно культуры восточноевропейских иранцев и их влияния на другие этносы, прежде всего – после его переезда в США в 1927 г. Его интерес к иранскому компоненту в древней Восточной Европе связан с его знакомством в эмиграции с Н.П. Кондаковым и затем – М.И. Ростовцевым, с его идеологией евразийства и с попытками понять древнейшие истоки славянства и Руси. В результате роль иранского элемента была сильно преувеличена; во многом предыстория Руси сводилась к самым южным районам, а в изучении ранних периодов Вернадскому не хватало эрудиции в области археологии, лингвистической подготовки и простой осторожности. В результате он в ряде случае стал жертвой доверия к трудам малокомпетентных эмигрантов (Д. Дзанти и др.) и часто приводил произвольные этимологии топонимов и этнонимов. Однако, ряд его выводов важен в науке и сегодня, и этих аспектам диссертант уделяет много внимания. Это сама идея о тесной связи народов лесной и степной зон Восточной Европы, о позитивном вкладе кочевников (долго не признававшемся историками), впервые всерьез проявившееся внимание к аланам в дальних диаспорах, в т.ч. – в Западной Европе V в., в Венгрии и в Монгольской империи, к горскому и кочевому компонентам в этно- и культурогенезе осетин и другие. Для него история Руси начинается еще с «Великой Скуфи», причем он видит славян уже в скифах-«пахарях» (греч. georgoi = скиф. gauvarga?) у Геродота, а затем само слово «Русь» имеет,

якобы, сарматское происхождение. Главный акцент в ранней истории восточных славян он делает на аланах, строя историко-культурную цепочку роксоланы – аланы/асы – анты – русы. Отсюда его интерес к происхождению аланов, к антам, сармато-славянским параллелям в искусстве и религии, к контактам славян и аланов под властью хазар, к алано-древнерусским бракам среди знати.

Глава 6 посвящена уже *недавней* эмиграции: таким широко известным в научном мире специалистам по алано-осетинской тематике, как французский археолог *Михаил Казанский* и нидерландский лингвист *Александр Лубоцкий*. Для обоих на их нынешних должностях это, вроде бы, не главное направление исследований, однако их наблюдения и выводы являются очень важными. Помимо анализа их творческих методов, диссертант подробно и последовательно рассматривает их конкретные публикации. У *М. Казанского* мы видим удачное и очень редкое сочетание знания археологических материалов IV-VI вв. как в Восточной, так и Западной Европе и на Кавказе, с привлечением письменных источников. Диссертанта интересуют наблюдения по выявлению следов аланов в Западной Европе этого времени. Он поддерживает выводы о постепенном растворении культуры этих «варваров» в позднеримской традиции, их склонность к военной карьере, конкретные следы их этничности в одежде и украшениях, оружии. Труды *А. Лубоцкого* связаны, например, с авестийско-осетинскими параллелями (названия месяцев, понятие «фарн» и др.) и толкованием аланских маргиналий в византийских литургиях XIII в. и «Теогонии» Цеца XII в. В оценке этих публикаций диссертанту помогают как собственная ираноязычность, так и личный опыт исследований. А.Л. Чибирову в обоих случаях, как обычно, есть что добавить самому.

В последней **главе 7** рассмотрены труды по истории и культуре аланов и осетин их *земляков – выходцев из Осетии*, оказавшихся вне России в первой и второй волнах эмиграции. В первой волне это живший в Париже *Дзамбулат Дзанти*, публицист и поэт, который также популяризировал историю и культуру осетин в издаваемых им журналах «Осетия» и «Oss-Alanes". в них он стремился привлечь и серьезных ученых. Это также *Дзегка Зураев*, написавший на архивных материалах разных стран монографию «Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа» (1966). Оба они не имели при этом специального исторического или филологического образования. Оба автора в эмиграции идеализировали осетинскую культуру, а их частые этимологии топонимов, этнонимов и имен с позиций современного осетинского языка не слишком корректны. Однако они сыграли немалую роль в популяризации алано-осетинской культуры в эмигрантской среде и у ряда серьезных ученых. Особое место в этим списке занимает живущий в Испании талантливый искусствовед и нартовед *Борис Мысыккаты* (Цуциев). Как правнук знаменитого осетинского сказителя нартовского эпоса он закономерно и квалифицированно занимается трактовками древних образов Нартиады и важных культурных символов

осетин. Есть у него и публикации исторического характера, например – об аланах в Испании в V веке.

В целом, все 13 основных выводов автора, выносимых на защиту, представляются солидно обоснованными, а новаторский характер диссертации и ее значимость для меня очевидны. Высокая достоверность и новизна исследования связаны, прежде всего, с постановкой новой проблемы (комплексное изучение вклада российских эмигрантов в изучение культуры древних и средневековых ираноязычных народов Восточной Европы), использованием междисциплинарного подхода, разнообразного арсенала научных методов и весьма широким временным охватом (от скифской эпохи до развитого средневековья).

Помимо реализации основной идеи, А.Л. Чибирову пришлось вносить в текст и множество разноплановых комментариев по смежным темам, которые в целом демонстрируют его хорошую осведомленность в разнообразной гуманитарной проблематике и новейших публикациях; здесь сказались и его целенаправленные, грамотные консультации у коллег. В тексте диссертации кое-что вызывает отдельные вопросы, встречаются и единичные ошибки в оформлении, неточности в «побочных» темах. Среди последних, например, именование 4 индийских варн кастами (с. 581); правда, в этом случае излагаются взгляды другого исследователя и, возможно, это ошибка последнего. Но подобные немногочисленные мелкие погрешности, конечно, не влияют на общую высокую оценку диссертации А.Л. Чибирова.

Представленная к защите рукопись является оригинальным и новаторским научным трудом. В нем впервые поставлена и успешно решена большая и изученная ранее лишь фрагментарно научная проблема вклада иранистов-эмигрантов двух волн в изучение древних иранцев Восточной Европы. Здесь обобщен огромный материал по иранистике (как зарубежной, так и отечественной) с акцентом на эволюцию взглядов изучаемых исследователей, их вклад в понимание этнополитической истории, межкультурных связей и культурной преемственности. Диссертация вносит весомый вклад в развитие отечественной историографии, иранистики и кавказоведения, в изучение культуры русского Зарубежья. Ее содержание адекватно отражено в тексте автореферата. Научное значение данного капитального и новаторского исследования велико. Диссертация А.Л. Чибирова имеет и теоретическое и прикладное значение. В ней оригинально и комплексно решены проблемы, связанные с творчеством российских иранистов-эмигрантов, с историографией по данному вопросу, с важными аспектами изучения иранских групп древней и средневековой Восточной и отчасти Западной Европы, с акцентом на комплексное исследование истории, культурных контактов и культурной преемственности номадов и оседлого населения Восточной Европы и Кавказа на привлеченном обширном материале разнотипных источников при практически полном их охвате для поставленных задач.

Значение данной работы выходит за рамки как интеллектуальной истории русского Зарубежья и ее историографии, так и собственно иранистики, поскольку касается и ранних страниц истории восточных славян и истории Кавказа. Она будет востребована в обобщающих трудах по историографии науки, по русскому Зарубежью, по отечественной истории ранних периодов, по иранистике и кавказоведению, а также в соответствующих учебных курсах в вузах.

Диссертация А.Л. Чибирова соответствует специальности 5.6.5. - Историография, источниковедение, методы исторического исследования (по историческим наукам), а именно – ее направлению: 4. Ранний железный век. Содержание данного исследования соответствует критериям, определенным в пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г., предъявляемым к диссертациям, представленным на соискание ученой степени доктора наук. Автор диссертации, Чибиров Алексей Людвигович, безусловно, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Официальный оппонент:
Доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и теории культуры
факультета культурологии
ФГАОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»
26.10.2026 Яценко Сергей Александрович

Контактные данные:
тел.: 79060429611, e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru .
Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:
24.00.01 – Теория и история культуры.
Адрес места работы:
125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6
ФГАОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»
Тел.: 8 (495) 250-61-18; e-mail: rsuh@rsuh.ru

Подпись Яценко С.А. заверяю
Заместитель директора Департамента
кадров
26 ОКТ 2026 Н.Н. Толстых